

Вступление

Я любил ее... Нет, не так, как любят своих женщин сильные мира сего. Я любил ее, как ребенка, пусть и наивно, пусть безответно. Порой мне не нужен был ее ответ на мои чувства, это только влюбленность требует взаимности. Я любил ее безусловно, потому что не важно, сколько красоты она вкладывает в слово, когда ее губы сотканы из прелести земной. Лучшей ее прелести. Слова горчат, губы — нет.

Я любил ее так нежно, словно она — редчайшего вида альбинос, и ее снежную кожу можно ранить одним неверным касанием. Властные касаются грубо, властных не касаются в ответ. Грубость мужская — это небрежность, в первую очередь к женщине, а вот ее я берег. Мы храним лучших женщин мира в рамках, я ее хранил у себя в постели. Во сне. И внизу живота. Нельзя беречь то, что разбито, и ко-

гда мы разбивали бокалы, то выбрасывали их осколки. Красивые были бокалы, но из них теперь не выпить вина. Прошлое больше не кровоточило, будущее плыло в сторону мечты, настоящего нет, нам так казалось, что его нет.

Я любил ее без рамки. Никогда не любил целовать холодную фотографию, только теплую кожу, только горячие губы, только сухие глаза, иногда даже мокрые, только веки и нос. Гордые не любят, когда их целуют в нос. Дети тоже. Я любил ее. . . Но сказать, что она меня не любила — это ложь. Я просто не требовал от нее такой любви, которую давал. И всего. Я позволил себе раствориться в ней, я позволил себе испытать самое сильное чувство — когда я умираю, чтобы вновь возродиться, когда я возрождаюсь, чтобы снова умереть. Мне кажется, что я познал жизнь через нее. Я познал себя.

Я любил ее — это все равно что — я губил ее, ведь нельзя же любить, не погубив. Не растоптав. Не испачкав собой. Не предав. Не убив. Не уничтожив. Нельзя!

Я любил ее, не погубив. И каждым своим последующим словом я докажу, что можно.

Глава первая «Пьеро»

Там делают самый вкусный кофе в городе. Там, где когда-то произойдет трагедия. Там, где в другом конце зала я встречу твоего убийцу. Ты сейчас меня ведешь в то место, где обретишь свое бессмертие.

Ты давно умерла. И только спустя год я взял в руки карандаш и блокнот, так странно, ручек в моей квартире не было, только карандаш. Я начал писать, так как это было моим спасением. Одним из тех кругов для утопленника, который бросают на шею, когда в легких уже смертельное количество воды. Еще и картины.. Я рисую. Нет, я рисовал. Когда-то давно, вчера или месяц назад, может, три. У меня нет календаря, чтобы следить за временем, а потому я наблюдаю за людьми из окна. Они живут, черт возьми, нет, они проживают, отмаывают свою жизнь, ускоряют ее ранним ут-

ром, замедляют поздним вечером, они пытаются обойти время, вот только его невозможно обойти. Жизнь обходит их стороной. Обгоняет. Они не живут, а лишь просыпаются, чтобы снова уснуть. И я не живу. Не дышу — так будет точнее.

Если бы я знал, что в другом конце города, нет — мира, ты есть, дышишь со мной одним воздухом, смотришь из своего окна на соседний дом и проезжающие автомобили внизу, то я, даже не зная твоего имени, отправился бы в кругосветное путешествие и всю свою жизнь посвятил бы поискам тебя. У меня даже твоего фото нет. А оно и не нужно. Я бы искал тебя сердцем. Если бы я знал, что ты на другом краю земли, то прожил бы свои оставшиеся годы счастливым, ведь шанс найти то, что есть, даже один на миллион, настолько велик, что задурманивает мой рассудок. У меня начинают трястись руки, с этим ничего не поделаешь. Не всегда разборчивый почерк. Но вот шанс найти то, чего в этом мире нет... Другими словами — дорога в петлю намного ближе. Тебя нет. А твой фантом ходит со мной повсюду. Твоя копия, образ твой, который я придумал для себя, он сшит из памяти моей. Ты в этом образе такая, какой я тебя запомнил.

— Пей, пока горячий. Холодным он будет невкусный, — сделала глоток моя неявственная, окутанная туманом, Женщина. Мы сидели в самом конце зала, где нам никто никогда не мешал, и стука двери не было слышно. Она сидела напротив меня, за спиной у нее было окно, за спиной у меня — другой столик.

Я в тот момент не смотрел на нее так, словно эта встреча будет прощальной, словно больше никогда ее не увижу. Закрываешь глаза, открываешь их, а перед тобой пустой стул. И чашка горячего кофе.

— Ваш счет.

Этот высокий, худой официант с безразличием в глазах, он единственный и неповторимый, других тут нет.

— Я возьму с собой.

Он, наверное, давно уже привык, что я могу часами разговаривать с пустотой. Или, может быть, он думает, что я обсуждаю прохожих, которых видно, если смотреть в окно? В любом случае, ему придется смириться с этим, так как других посетителей в этом месте нет. Пока нет.

Там делают самый изысканный кофе. Одна чашка на двоих . .

Твой убийца никогда не пил кофе. Он заказывал себе стакан воды. Я наблюдал за ним

девять месяцев и каждый день, проведенный с ним, я молил Бога, чтобы он не умер от сердечного приступа или же от судьбы. Я — теперь его судьба. И ему осталось жить совсем недолго. Девять проклятых месяцев я вынашивал план своей мести. Он не мог никуда убежать, он не мог умереть внезапно, без моего ведома — это было исключено, я преследовал его за каждым углом, наступая на пятки. Он чувствовал меня затылком, но не имел смелости обернуться, чтобы посмотреть в мое лицо. Париж обречен. Ведь если ты нажал на курок, то пулю уже не остановить. Она обязательно попадет в свою цель. Пуля — не человек, у нее нет сердца и предрассудков. Пуля справедливее суды, у нее не бывает неверного приговора.

Спустя месяц в эту кофейню вошел мужчина, крупный человек с надменными повадками в дорогом костюме. Он заказал себе кофе с виски и заказывал его каждый последующий день. Он никогда не оставлял чаевые. Да, у богатых такое явление не редкость — считать каждую свою копейку, и тот факт, что он попал в эту кофейню, мог показаться удивительным стороннему наблюдателю. В таких костюмах

не привыкли заходить в такую дыру. Но проблема была в том, что он, как и я, приходил в это место с конкретной целью. И однажды вечером, перед самым закрытием, он достал из кармана пистолет и направился к тому человеку, нет — к тому существу, которое я до самых низов своей души ненавидел.

Я встал со стула и направился к нему.

— Не нужно, отец. Не сейчас, — сказал я мягко и тихо, чтобы никто не услышал.

А затем взял из дрожащих рук этот тяжелый предмет.

— Не сейчас, — повторил я ему, когда присаживал большого человека на стул, тем временем вкладывая пистолет обратно в его же карман. — Я сделаю это сам. Я тебе клянусь, отец, что сотру его с лица земли и закопаю в соседнем парке. Ты же знаешь, там выгуливают овчарок, у них хороший нюх, и о его смерти услышит весь город.

Он махнул мне рукой, чтобы я немедленно уходил и оставил его в покое. Тем временем я заметил, что убийца ушел. Только стакан с водой и десять долларов на чай. Щедрость — это величие души. Не так ли, Париж? Я присел на его стул, чтобы еще раз почувствовать его запах. У овчарок хороший нюх . .

* * *

Настоящего нет. Если бы я знал, что мое настоящее станет со временем прошлым, то смаковал бы каждую минуту, проведенную с тобой. У нас было много минут, много часов. Дней — меньше. Мы настолько с тобой стали близки, что разучились разгадывать друг друга тайны. Вникать в секреты души, с интересом любоваться повадками, которые другим казались странными, неестественными. Мы с тобой уникальны, ты и я, я и ты. Мы воспитаны разными людьми, и кровь у нас разная, но в какой-то момент мы с тобой стали, как близнецы. Мы успели заразиться друг другом и переняли один у другого не самые лучшие черты. Это ошибка. Вдох...

Я не знаю тебя, и жизни бы не хватило, чтобы тебя познать. Самое большое человеческое заблуждение — это поверхностная любовь. Какая глупость вторгаться в тело, не познавая его души.

Я бы многое отдал, вот только мне нечего больше отдать. Я бы отдал свою жизнь, это единственное, что у меня осталось. Моя жизнь стоит один патрон. И я бы отдал его за то, чтобы еще раз прикоснуться к телу и достать до твоей глубины.

...Шедевр... Мой шедевр... Губы, соткан-
ные из лепестков розы.. Глаза бездонного цве-
та. Я падаю на самое дно, Донна моя. Я раство-
ряюсь во тьме этой комнаты, исчезаю. Я возро-
ждаюсь под пронзительным взглядом картин.
Моих работ. Ты повсюду. Все стены оббиты то-
бой, все окна выходят к тем местам, где хра-
нятся мои воспоминания о тебе, к тем знако-
мым, забытым чертам, которые я пытался
выжечь из своего большого сердца. Я не испы-
тываю боли, когда болеет оно, боль испытыва-
ет меня. Изнутри. И снаружи. Лиана..

Кричишь во все горло. Ли-а-на. Просыпаешь-
ся ночью, на мгновение вырвавшись из своего
кошмара. Ли-а.. Накрываешь одеялом лицо.
Дышать тяжело, а разве мы дышим? Я больше
никогда не назову твоего имени. Клянусь тобой!

Ты есть везде, куда смотрят мои глаза. Я те-
перь боюсь их закрыть, ведь там, где заканчи-
вается этот мир, тебя еще больше. Сколько
ему заплатили за то, чтобы искалечить мою
жизнь?

— Разве с каждым днем мусора становится
все меньше? — спросил я вчера у дворника.

— Да, но только не на этой улице..

Мусор — вот, что для него значит человеческая жизнь. Ты имеешь деньги, Париж, но что у тебя за душой? Ты нищий, и дело не в твоей старой, безвкусной одежде. Ты нищий, так как не знаешь цены тому, что ломаешь. Ты никогда не любил. Ты никогда не жалел. Ты никогда не прощал. Я называю тебя нищим, так как у меня язык не поворачивается назвать тебя человеком. Тебе чувства чужды, ты не способен на эмоции. Ты не имеешь права на жизнь. Ты мертвый, Париж, и все, к чему ты прикасаешься, обрекаешь тем на смерть.

Я тебя ненавижу как палача, как убийцу, как душегуба, как чуму. Как проклятие, нависшее над этим городом, над моим небом. Но, в то же время, ты полная моя противоположность, и я раньше всегда восхищался такими нищими, как ты. Быть может, со временем я обрел богатство, о котором не знает никто? Я восхищался тобой, Париж. Человек без лица и эмоций. Это маска, я знаю, и однажды я ее сорву.

Ты не знаешь цены. Я назову твою цену. Один патрон. Столько теперь весит и твоя жизнь. В какой-то степени наши жизни весят одинаково. Один выстрел — это расстояние, на котором мы теперь с тобой живем. Мы оба